

А. И. КУПРИН. 1914 год. Портрет работы художника И. АККУРАТОВА. (Из фондов Государственного литературного музея. Публикуется впервые).

ЛЕВ ТОЛСТОЙ — ЧИТАТЕЛЬ КУПРИНА

А. ШИФМАН,
кандидат филологических наук

1.

Среди книг, оставшихся в кабинете Толстого после его внезапного ухода из Ясной Поляны, до сих пор нетронутым лежит пожелтевший от времени томик рассказов А. И. Куприна. И это не случайно. В последние годы своей жизни Толстой все чаще и с возрастающим интересом читал и перечитывал Куприна.

Лев Николаевич был строгим ценителем литературы и не баловал своих младших современников хвалебными отзывами. Непримиримый враг модернизма и декадентства, он иногда в запальчивости причислял к их лагерю и тех писателей, кто лишь временно впадал в грех этих модных и пагубных поветрий. Тем большую цену имеют его одобрительные отзывы о Куприне, которого он выделял из общей среды молодых литераторов. «Куприн — настоящий художник, громадный талант. Поднимает вопросы жизни более глубоко, чем у его собратьев — Андреева, Арцыбашева и прочих...» — такова итоговая оценка творчества Куприна, высказанная Толстым за полгода до своей кончины.

Впервые Толстой заинтересовался творчеством Куприна в Крыму в январе 1902 года после прочтения его повести «В цирке». Далекий от цирковой среды, он тем не менее полностью оценил гуманистическую мысль автора, ту проникновенную любовь, с которой описана трагедия одинокого артиста, внезапно умирающего перед самым выходом на арену. Заинтересовавшись начинающим автором, Толстой расспросил о нем своего друга — доктора С. Я. Елпатьевского и выразил готовность познакомиться с ним.

О Куприне Толстой заговорил и с навестившим его Чеховым, о чем Антон Павлович немедленно известил молодого автора. 22 января он с радостью сообщил ему, что повесть «В цирке» Толстому «очень понравилась», и посоветовал Куприну немедленно послать Толстому свою первую книгу.

Куприна это известие, несомненно, обрадовало. Но от посылки своей книги он воздержался. «Уж очень много в ней балласта, который может произвести удручающее впечатление...», — пояснил он Чехову. Дорожа мнением Толстого, он не рискнул предстать в его глазах автором недостаточно зрелых и не очень глубоких произведений. «Не лучше ли будет, — писал он, — если я пошлю ему ту книжку, об издании которой я теперь думаю?».

По счастливой случайности Куприн, находившийся летом 1902 года в Крыму, вскоре получил возможность лично познакомиться с Толстым. Это произошло 25 июня в Ялте на пароходе «Св. Николай», которым Толстой, возвращаясь из Крыма домой, переезжал в Севастополь. Познакомил их тот же С. Я. Елпатьевский. Встреча эта произвела на Куприна огромное впечатление и запомнилась на всю жизнь.

2.

В начале февраля 1903 года в горьковском книгоиздательстве «Знание» вышла первая «настоящая» книга Куприна, в которую он, не без оглядки на Толстого, включил свои лучшие ранние произведения — «Молох», «Ночная смена», «Одиночество», «Ночлег», «В цирке» и другие. Молодой автор немедленно послал ее Толстому.

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич! — читаем мы в письме Куприна. — В прошлом году, весной, когда Вы уезжали из Крыма, С. Я. Елпатьевский представил Вам меня на пароходе, а в последнее время, недавно, г. Хирьяков, возвратившись из Ясной Поляны, очень обрадовал меня, сказав, что Вы и до сих пор обо мне не забыли. Это дает мне смелость послать Вам книгу моих рассказов, только что вышедшую из печати. Я был бы бесконечно счастлив, если бы хоть что-нибудь в ней оказалось достойным Вашего внимания».

Толстому, по-видимому, книга понравилась, ибо он порекомендовал ее брату, Сергею Николаевичу:

«Посылаю тебе... рассказы Куприна недурно «Ночная смена», прочти».

И ему же в следующем письме:

«Жалею, что тебе не понравился Куприн. В нем много лишнего, но очень ярко и хороши тон и язык».

Рассказы Куприна, как вспоминают близкие Толстого, были этой зимой темой частых бесед в яснополянском доме. Об одной из них рассказал позднее известный литератор и биограф Толстого П. А. Сергеенко:

«Заговорили... о Куприне. Лев Николаевич очень хвалил его рассказ «В цирке», велел найти «Мир божий», начал читать, но голос у него ослабел и пресекался. Он передал читать племяннице Софьи Андреевны и не раз делал одобрительные замечания: — Как пишет!».

«По окончании чтения... Лев Николаевич просил меня передать Куприну его благодарность за книгу и желание написать ему».

«Написать надо много, а времени осталось мало. Скажите только, пожалуйста, ему от меня, чтобы он никого не слушался, ни к какой партии (литературной.— А. Ш.) не примыкал, а писал по-своему. Трубецкой Паоло только потому и сделал кое-что, что никому никогда не подражал».

О чтении Толстым рассказа Куприна «Ночная смена» упоминает в своих воспоминаниях и А. Ф. Кони, посетивший Ясную Поляну в 1904 году.

3.

1905 год был знаменательным в творчестве Куприна. 6 мая в сборнике «Знание» увидел свет его знаменитый «Поединок» и произвел на читающую публику большое впечатление.

Льва Толстого «Поединок» заинтересовал многими своими сторонами. Его привлекло в этой повести смелое разоблачение нравов царской армии, которым он сам в свое время посвятил немало страниц. Радовало его зрелое мастерство молодого автора, его тонкое проникновение во внутренний мир героев. Но наряду с этим он усмотрел в рассуждениях Назанского ненавистную ему проповедь индивидуализма и насилия. Толстому показалось, что автор недостаточно развенчивает эту проповедь, относится к ней терпимо. Вот почему вместе с похвалами он высказал в адрес повести и много упреков.

Повесть «Поединок» читали в доме Толстого вслух на протяжении пяти вечеров. Большую часть глав читал сам Лев Николаевич, попутно комментируя их. В архиве писателя сохранились записи присутствовавшего при этом домашнего врача и друга Толстого Д. П. Маковицкого.

По его словам, военные сцены Толстой «читал с воодушевлением, как будто бы сам был молодым офицером. Когда читал о том, как перед самым смотром солдаты должны были готовиться к нему и как начальники били их,—почти плакал от жалости к ним».

«Мне интересно описание военной жизни, он хорошо ее знает...» — сказала Лев Николаевич».

Толстой указал на смелость Куприна в обличении армейских порядков и удивлялся, как цензура пропустила эту повесть. Одновременно он отме-

тил в ней и некоторые недостатки: растянутость описаний, вычурность отдельных пейзажей, рискованные любовные сцены. Но главное, что он отверг в «Поединке», — это нищенскую философию Назанского. В недостаточном авторском обличении этой «мерзости» он видел результат дурного влияния на Куприна окружающей литературной среды.

«Какой бы был хороший писатель, если бы жил не во время повального легкомыслия, невежества и сумасшествия», — писал он дочери Марии, посылая ей эту книгу.

И все же повесть в целом показала Толстому, что в лице Куприна растет большой художник, не увлекющийся модными течениями, а остающийся верным старым реалистическим приемам письма.

«Новый писатель пользуется старыми приемами, дает живое представление о военной жизни», — сказал он с одобрением о Куприне.

4.

В конце 1906 года Толстой в ответ на присланную Куприным новую книгу рассказов послал ему свой портрет с дружеской дарственной над-

писью. Надо ли говорить о том, как это обрадовало Куприна.

До сих пор не опубликовано его благодарственное письмо, посланное в Ясную Поляну из Устюжны, Новгородской губ., 22 января 1907 года. Из него можно увидеть, как высоко дорожил он мнением великого писателя.

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич, приношу Вам мою горячую признательность за присланный Вами портрет. Искренно желаю Вам здоровья, радости и такого счастья, какого Вы сами хотите!

Около полумесяца тому назад я позволил себе смелость послать Вам книгу моих рассказов, хотя не надеялся и не надеюсь, что Вас в ней многое заинтересует. Прошу однако Вашего разрешения присылать Вам и другие мои книги.

Примите мои чувства глубокого почтения к Вам и восторга перед Вашим гением. А. Куприн».

Дружественный жест Льва Николаевича в отношении Куприна, несомненно, означал высокую оценку его новой книги. Об этом свидетельствуют все присутствовавшие при ее чтении в яснополянском доме 29 декабря 1906 года. Толстой, по словам П. А. Сергеенко, прочитал «почти всю книжку» и был весьма доволен ею.

«Особенно хороши, — сказал он, — два маленьких рассказа: «Allez» и «Поздний гость».

После чтения он сказал:

«— Как все у него сжато. И прекрасное. И как он не забывает, что и мостовая блестящая, и все подробности. А главное, как это наглядно сдернута вся фальшивая позолота цивилизации и ложного христианства».

Аналогичный отзыв о книге Куприна позднее слышал и Н. Н. Гусев, в присутствии которого Лев Николаевич читал ее И. Е. Репину.

«В искусстве, — сказал он, — главное — чувство меры. В живописи после девяти верных штрихов один фальшивый портит все. Достоинство Куприна в том, что ничего лишнего».

5.

Последующие отзывы Толстого о Куприне связаны главным образом с его чтением в мае 1909 года первой части «Ямы». Как известно, сам Куприн считал эту повесть своей большой неудачей. Решительно не понравилась она и Толстому.

В дневнике Н. Н. Гусева сохранилась запись о том, как происходило чтение «Ямы» в яснополянском доме. Первой запротестовала против «такой мерзости» Софья Андреевна. Лев Николаевич вначале с ней не согласился. В одном из эпизодов ему даже понравился разговор окологочного. Но по мере того как описания публичного дома «сгущались», он все более мрачнел и наконец сказал:

«— Кажется, Софья Андреевна была права... Уж очень гадко».

Продолжая в последующие дни чтение повести, он 9 мая записал в дневнике:

«Очень плохо, грубо, ненужно грязно».

Толстого оттолкнула не тема повести — он считал ее социально важ-

ной и, как мы знаем, сам затронул проблему проституции в «Воскресении», — а нечеткость авторской позиции, из-за чего, по его мнению, произошло недопустимое «размазывание». «Все это можно короче», — сказал он о ненужных подробностях. Повесть «Яма» укрепила его во мнении, что Куприну не хватает идейной глубины, твердых убеждений. («У Куприна никакой идеи нет, он просто офицер») Вместе с тем он и в этой повести отметил высокое мастерство художественной типизации.

«Отвратительно! Отношение автора не то, какое должно быть. Но любовь его художественным талантом; придумывает каждому лицу характерные черты».

6.

К лету 1909 года относится намерение Куприна посетить Толстого. 2 июня он прислал из Житомира на имя С. А. Толстой телеграмму, которая гласит:

«Провожая Вас из Ялты, получил малостивое приглашение посетить Ясную Поляну. Не обеспокою ли Вас и Льва

Николаевича, если в середине июня заеду всего на час?»

С. А. Толстая ответила Куприну дружеским письмом, в котором просила его отложить приезд до осени, ввиду того, что Лев Николаевич собрался уехать к дочери, Т. Л. Сухотиной. Осенью, однако, Куприн был занят и о себе больше не напоминал. Так свидание писателей не состоялось. Но это не означало ослабления интереса Толстого к творчеству Куприна.

В 1910 году, последнем году своей жизни, Лев Николаевич, несмотря на недомогания и тяжелые семейные распри, продолжал читать Куприна. По поводу новой книги его рассказов (того томика, который остался на столе писателя после его ухода из Ясной Поляны) Толстой 16 июня записал в дневнике:

«Читал Куприна. Очень талантлив. «Корь» не выдержано, но образность яркая, правдивая, простая...»

Такая же похвала Куприну прозвучала в доме Толстого 24 июня:

«...он пишет прекрасным языком. И очень образно. Он не упустит ничего, что бы выдвинуло предмет и произвело впечатление на читателя».

Сравнивая Куприна с западными писателями, в частности с известным французским новеллистом Пьером Миллем, Толстой отдал полное предпочтение Куприну:

«...Беру иногда его книгу, и что его ни раскрою, все хорошо».

Так Толстой до конца жизни высоко ценил Куприна, видя в нем талантливого продолжателя реалистической традиции русской литературы.

В свою очередь и Куприн относился к Толстому с любовью и благоволением. Как известно, многие его произведения написаны под творческим воздействием великого писателя.

Перу Куприна принадлежит ряд сердечных высказываний о Толстом, в том числе известный очерк «О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай». Его горячим желанием было написать книгу о Толстом, подробнее рассказать о встрече с ним. Но робость перед гигантской фигурой яснополянского мудреца не дала ему осуществить этот замысел. Об этом он сам рассказал в 1908 году в двух, пока еще неопубликованных письмах к П. А. Сергеенко, поощрявшего его на эту работу.

«Дорогой Петр Алексеевич, — читаем мы в одном из них, — чуть ли не сто раз пробовал я написать что-нибудь о Толстом для Вас, и ничего ровно не выходит. Выходят какие-то тяжелые, нудные, тягучие, вязкие строчки, никому не нужные и неинтересные. Простите, что не смог исполнить Вашего желания, что мне самому очень неприятно».

Нужные, идущие из глубины сердца слова Куприна нашел через два года, когда замыслила Россия в тяжком горе хоронила Толстого. На его смерть он написал полную горечи и надежды статью «Наше оправдание», в которой страстно выразил всенародную любовь и преклонение перед «величайшим из мастеров прихотливого, непокорного, великолепного русского слова».